

Том 1

1

План по спасению нашей семьи

Мой младший брат Франц сбежал из академии, где обязан был проживать во время учёбы. К счастью, он вернулся домой, однако уютную атмосферу семейного чаепития омрачала гнетущая тишина.

— Да ничего такого не случилось. Я по дому соскучился, ну и по Герцу...

В этом году Францу исполнилось пятнадцать. Он старался сохранять спокойствие и вести себя как ни в чём не бывало, но в глаза никому из нас не смотрел.

Мама натянуто улыбнулась и попыталась разрядить повисшее в воздухе напряжение:

— И то правда, давненько ты нас не навещал. Кто угодно затосковал бы, согласен, дорогой?

Однако сведённые на переносице брови маркиза Весты оставались неподвижными.

— Как бы там ни было, негоже самовольно покидать стены академии. Сейчас же возвращайся в общежитие, — холодно велел он сыну.

Скорее всего, никто, кроме меня, и не обратил внимания на испуг, читавшийся в этот момент во взгляде Франца. Он с трудом справился с дрожью в голосе и, пересилив волнение, обратился к маркизу:

— Отец! Я... я уеду немного позже. За здоровье Герца волнуюсь. Ну и, раз уж приехал, заодно с делами разберусь...

Надо было видеть лицо отца. Его взгляд недвусмысленно намекал на неоспоримость принятого решения.

— За котом присматривает дворецкий, волноваться не о чем. Я отправлю письмо в академию. — И он выразительно посмотрел на Франца, тем самым давая понять, что разговор окончен.

— Отец! Я з-задержусь совсем ненадолго. Прошу вас...

Следующие мольбы Франца также были встречены полным равнодушием со стороны маркиза, который лишь отвернулся.

Тогда-то я и заметила их: из-под рукава формы вскочившего следом Франца показалось тонкое, как тростинка, запястье с красовавшимися на нём тёмными синяками. Перехватив мой взгляд, брат поспешно одёрнул рукав, стараясь прикрыть повреждённые участки кожи. Руки его затряслись.

Если промолчу сейчас, он вернётся в академию и в самом деле станет рыцарем. Проблема в том, что потом наша семья...

— Франц, не мог бы ты снять верх? Всего на минутку, — обратилась я к брату, опустив чашку и натянув на лицо заботливую сестринскую улыбку.

— Сестра? З-зачем тебе?

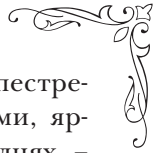
Франц попятился, прикрывая грудь обеими руками. По-прежнему не расставаясь с чашкой, я глазами подавала знак ожидавшей у дверей прислуге. Несколько человек уверенным шагом приблизились к молодому хозяину дома.

— Просим простить нас, юный господин. — Они поклонились и начали снимать с Франца форму академии Кратье.

— Рубашку тоже.

— Н-нет, не надо!

Несмотря на крики, слуги стянули с него всё, что закрывало грудь и спину. Родители были потрясены, когда

увидели не прикрытое одеждой тело сына: оно пестрело синяками и ссадинами. Какие-то были свежими, ярко-красными — значит, их оставили буквально на днях, — другие уже окрасились в фиолетовый. Какие-то даже почернели из-за скопления под кожей сгустков крови. То, несомненно, было дело рук других учащихся академии.

— Боже мой, Франц! — вскрикнула мама и залилась слезами, потрясённая состоянием сына.

Наверняка сейчас был как раз тот период, когда Франц подвергался наиболее жестоким издевательствам в академии.

— Откуда ссадины? Кто посмел?! — допрашивал сына разъярённый маркиз. — Живо говори, из какой семьи эти мерзавцы!

Однако Франц не произнёс ни слова, лишь покачал головой.

— Да как им хватило наглости тронуть моего сына?! Я незамедлительно выезжаю в Кратье.

Брат упал на колени перед маркизом Вестой, который скрипел зубами от злости и разбрасывался угрозами, и взмолился:

— П-пожалуйста, не надо! Отец, прошу!

Глядя на него, глава семьи нахмурил брови.

— Мальчишка!.. Почему не использовал Шуэт? Вызвал бы его, и дело с концом.

Сказать Францу было нечего, он лишь стоял, низко опустив голову.

— Прекрати, дорогой! Мальчик и без того весь изранен... — Мама обняла сына, продолжая плакать.

Сложно было поверить, что будущий наследник дома Веста терпел издевательства со стороны других учеников академии, таких же будущих рыцарей, как он сам. Отец вздохнул и впервые за долгое время закурил папиросу.

Не скажи я ничего, родители так и оставались бы в неведении. Франц сделал бы вид, что ничего не случилось,

провёл бы в поместье одну ночь, а затем, взяв над своими эмоциями верх, отправился бы обратно в Кратье. Во всяком случае, таково было известное мне будущее. Но я не позволяю ему воплотиться в жизнь.

Ради Франца, ради нашей семьи и ради меня самой.

События, разворачивавшиеся в соответствии с оригинальной историей, не выходили у меня из головы, и потому я предприняла ещё одну попытку вмешаться в сюжет. Тревога за будущее заставляла сердце бешено биться.

— Отец, матушка! Позвольте высказаться, раз представилась такая возможность, — произнесла я весьма громко, из-за чего родители тут же перевели взгляды на меня.

Я поднялась, подобрала с пола рубашку и накинула её брату на плечи: на обнажённое тело Франца, покрытое множеством ран и ссадин, было больно даже просто смотреть.

— Думаю, Францу жизнь в стенах академии Кратье не подходит, — поделилась я своим мнением, предварительно набрав в лёгкие побольше воздуха. — Вы ведь и сами знаете — по натуре он учёный. У него не тот характер, который нужен для становления рыцарем.

— Кайла, я всё прекрасно понимаю, — вздохнул отец, отказываясь слушать, — однако он должен встать во главе семьи. Академия Кратье основана по указу императорской семьи и находится под её покровительством. Наследник, намеревающийся возглавить род, обязан закончить именно её, и лишь тогда передачу титула признают официально.

Ответ был вполне ожидаемым, однако отступить я не собиралась:

— Среди членов Гардиана, рыцарского ордена империи, было немало выдающихся женщин. То же можно сказать и о роде Веста. Следовательно, стать рыцарем могу и я. — Решение было принято мной импульсивно,

хотя в предыдущих поколениях среди рыцарей нашей семьи девушки действительно встречались, о чём я и напонила отцу.

— Кайла, чтобы стать рыцарем, тебе следовало практиковаться с раннего детства. Ты же ни разу не держала в руках меч! Или я чего-то не знаю?

Отец был прав: я, Кайла Веста, за свои семнадцать лет к мечу даже не прикасалась, что уж говорить о тренировках. По крайней мере, в этой жизни дела обстояли именно так.

— Это так. Франц, расскажи сам, учёным ты хочешь быть или рыцарем.

Маркиз строго посмотрел на сына. Франц был очень застенчивым, а под грозным взглядом отца и вовсе растерял остатки своей уверенности. Я ткнула брата в бок и прошептала:

— Франц, вспомни, что я тебе говорила.

После того как попала в этот мир, я на протяжении трёх лет повторяла брату одно и то же:

«Правда думаешь пойти у отца на поводу и стать рыцарем?»

«Временами и людей убивать придётся!»

«Ты же ненавидишь насилие?»

Некоторые верят, что человек от рождения склонен к добрым поступкам, и Франц служил тому наглядным примером. Разговоры о заветных желаниях постоянно задевали брата за живое, а я продолжала разжигать в нём жадность, эгоизм, который в оригинальной истории он подавлял в себе годами.

«Наблюдать за птицами в лесу — одно удовольствие. Ты ведь мечтал изучать дикую природу!»

«Сам же говорил, что хочешь сидеть за книгами с утра до ночи. Твердил, что мир ещё исследовать и исследовать...»

«Ты, кажется, мечтал о тихой и мирной жизни?»

Губы его мелко дрожали.

«Живи так, как хочется тебе».

За всю свою жизнь Франц ни разу не перечил отцу и матери. Он был послушным и добрым сыном, любил родных, сопереживал всему живому и хранил твёрдую веру в необходимость помогать слабым. В оригинальной истории он даже не мог оказать сопротивления обижавшим его паршивцам и лишь безропотно сносил издевательства.

— Отец... — Брат заговорил, и родители замерли в ожидании. — Как и сказала сестра, я... хочу стать учёным. Не готов я сражаться с людьми, не для меня это!..

— Франц...

Брат вынужден был набраться немалой храбрости, чтобы произнести эту пару фраз, ведь раньше он отцу и слова против сказать не смел. Я улыбалась, а Франца всё ещё била нервная дрожь, но теперь ему, кажется, стало намного легче. Он наконец перестал отводить взгляд и во время разговора смотрел родителям прямо в глаза.

По правде говоря, ещё совсем недавно, до возвращения Франца, у меня не хватало духу попробовать изменить будущее и нашу судьбу. Три года я нашёптывала брату сладкие речи, но двигали мной исключительно жалость и стремление показать Францу, что жить можно иначе. Большого мне не требовалось.

Однако, увидев сегодня сине-багровые пятна у него на коже, я передумала. Если будущее не претерпит никаких изменений, в скором времени Франц столкнётся с куда более серьёзным унижением.

В довершение всего нашу семью будет ждать полное уничтожение.

— И да, напоминаю о своём желании стать рыцарем, отец, — настаивала я. — Разве прежде я досаждала своими просьбами?

Мой вопрос родители оставили без ответа.

Судя по имевшимся у меня воспоминаниям Кайлы Весты, девушка была очень ответственной и всегда вела себя по-взрослому, как и подобало старшему ребёнку. Если дело касалось младшего брата, она оказывалась готова пойти на любые уступки, чего и ждали от воспитанной доброй сестры. И всё же что она, что Франц были довольно слабохарактерными.

— Кхм... Не думал, что твоё желание столь велико. Вот только, Кайла, твоя церемония уже прошла, и сейчас изменить род занятий будет весьма затруднительно, — недоумённо возразил маркиз.

В этом мире церемония совершеннолетия проводилась по достижении шестнадцатилетнего возраста — независимо от того, окончил ли ты академию или нет. В аристократическом обществе именно к этому времени было принято определять, каким путём пойдёт ребёнок в будущем. Само собой, моё будущее было уже определено: мне предстояло вращаться в светских кругах.

— Не волнуйтесь, отец. Я всё улажу. И да, раз уж зашла речь о церемонии, думаю, Францу стоит сменить направление до её начала.

Всё же, если он займётся наукой, лучше приступить к делу до наступления совершеннолетия.

Поскольку отец слишком погрузился в раздумья, мне на выручку пришла мама:

— Дорогой, давай прислушаемся к детям. Тем более я не могу снова отправить Франца в подобное заведение. Я отказываюсь отпускать его! — По щекам женщины, крепко державшей сына в объятиях, текли слёзы.

— В таком случае в Кратье придётся отправить Кайлу, тебя это устраивает?

— Конечно же, я и Кайлу туда отпускать не намерена, — сказала маркиза, покачав головой. — Если она и впрямь желает стать рыцарем, достаточно пристроить

её в орден моих родителей. Не имею ни малейшего желания бросать детей в столь безнравственном и опасном для них месте!

— Но один из них непременно должен окончить Кратье, дабы унаследовать наш титул.

— Пускай там учится один из твоих племянников! В них тоже течёт кровь рода Веста, они отвечают всем требованиям! — громко парировала мама.

— Исключено, — недовольно скривился маркиз Веста, чьи отношения с младшим братом, Нориксом Вестой, оставляли желать лучшего.

Послышался очередной вздох, отец отвернулся и привычным движением бросил выкуренную папиросу на пол. Прислуга кинулась убирать с ковра мундштук и пепел.

Поскольку родители никак не могли прийти к единому мнению, точку в данном вопросе пришлось поставить мне:

— Я буду учиться в Кратье. Позвольте мне поехать.

— Ни в коем случае, Кайла! — возмущённо крикнула мать в ответ на моё решение.

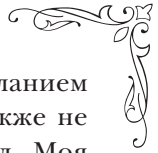
— Матушка, отец, я справлюсь. Взамен отдайте мне принадлежащий Францу Шуэт.

Меч Шуэт был семейной реликвией дома Веста, владельцем которой по традиции становился только глава рода, получивший рыцарское звание. Просьба передать меч была равносильна самовыдвижению на место преемника.

— Но... разве ты не собиралась забрать Шицуру?

Наряду с Шуэтом реликвией рода Веста являлся духовный щит Шицуру. Раз уж я вознамерилась в скором времени изменить будущее, оставлять Шуэт во владении Франца было попросту нельзя. Ему следует...

— Франц ведь может взять Шицуру себе, верно? Его владельцу братья за меч необязательно. — Я одарила отца спокойной, лёгкой улыбкой.

Откровенно говоря, я не особо-то горела желанием становиться рыцарем. Место главы рода меня также не прельщало, да и фамильный меч не интересовал. Моя цель ограничивалась передачей Шицуру, ведь для изменения будущего реликвия обязана была оказаться в распоряжении Франца.

— Родные дети отказываются слушать! — раздосадованно покачал головой маркиз Веста.

Принимая во внимание состояние Франца, сомневаюсь, что моё предложение отклонят. Отныне придётся потихоньку вытеснять брата с его позиций, начиная с места наследника и заканчивая учёбой в Кратье и владением Шуэтом.

Пусть я и делала это ради Франца, мои поступки приносят пользу всей семье. Для предотвращения трагедии, которая должна развернуться значительно позже, младшему брату впредь не следует привлекать к себе внимание. Он не должен попадаться окружающим на глаза до тех пор, пока не овладеет барьером Шицуру в совершенстве.

На второй день после внезапного возвращения Франца мы в сопровождении отца спустились в подземелье под поместьем семьи Веста. Там на алтаре лежал Шицуру, внешне напоминающий обычный круглый щит.

Шуэт, которому предстояло перейти ко мне, в настоящий момент оставался запечатанным в теле Франца, однако вскоре он будет извлечён.

— Ох, сомнительно всё это... Я и своё согласие дал только потому, что ты меня поторапливала. — Хотя затея до сих пор не внушала отцу доверия, он приказал Францу встать в центре начерченного на полу магического круга. — Вытяни руку, в которой запечатан Шуэт.

Франц послушно протянул левую руку, демонстрируя отцу ту её сторону, где кожа была особенно нежной и чувствительной. На запястье виднелось напоминавшее татуировку изображение крохотного меча — той самой запечатанной в теле брата фамильной реликвии, которая теперь должна быть перенесена в моё.

Отец достал кинжал и сделал на левом запястье Франца небольшой надрез. Из раны брызнула кровь, заставив брата скривиться.

— Взываю к Тебе, одарённому покровительством Короля духов. Ныне вверяю я духовный меч Шуэт лону земному. Да будет снята печать, что наложена клятвой крови.

Отец заранее научил Франца, что следует говорить, и стоило прозвучать последнему слову, как из запястья брата материализовался длинный меч. Какое-то время я пристально разглядывала повисшее в воздухе оружие, внешне оказавшееся совершенно непримечательным: ни рукоять, ни сам клинок украшены не были.

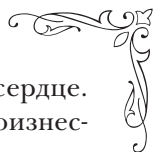
Контракт мог заключить кто угодно при условии, что в нём течёт кровь рода Веста. Меч максимально усиливал способности владельца и мог призываться в любой момент, что в каком-то смысле делало его читерским предметом. Почти все преемники рода когда-то пользовались Шуэтом для повышения навыков: начиная с далёких предков, оставивших значительный след в истории, и заканчивая нашим прадедом, дедушкой и отцом.

Когда Шуэт оказался в руках отца, настал мой черёд становиться в центр.

— Итак, Кайла, дай руку, в которой мы запечатаем Шуэт.

Надавив кинжалом на тыльную сторону протянутой мной кисти правой руки, отец пустил кровь. Окропленный ею Шуэт начал испускать голубое свечение.

— Читай клятву, как я тебя учил.

Я услышала, как от волнения чаще забилося сердце. Встав на колени и вытянув вперед обе руки, я произнесла текст клятвы:

— Взываю к Тебе, одарённому покровительством Короля духов. Ныне приемлю я силу Твою и клянусь Королю в вечной верности. Да продлится сие соглашение, доколе не иссякнет кровь рода Веста.

Из-за того что на церемонии приносилась клятва верности Королю духов, обряд проводился в строжайшей тайне и исключительно в подземелье родового поместья. Если об этом прознает императорская семья, то придёт в ярость.

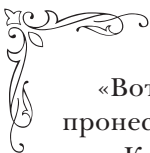
«Ну и заклинаньице, чуть от стыда не умерла. Чтобы я ещё раз сказала нечто подобное... Да ни в жизнь!» — подумала я.

Церемония подошла к концу, и Шуэт сразу начал погружаться в мою правую руку. Подземелье заливал ослепительно-яркий свет, а рука горела, словно охваченная пламенем. Когда я уже было подумала, что потеряю сознание от невыносимой боли, реликвия наконец-то оказалась в моём теле, а на коже появилось изображение меча, похожее на небольшого размера крест. Я прикоснулась к нему губами и прошептала:

— Шуэт.

В ту же секунду из руки выплыл знакомый меч, после чего, как и положено, разместился в моей ладони. Значит, проблем с запечатыванием не возникло. Покрепче обхватив рукоять, я сделала несколько пробных взмахов. Раньше я занималась кендо, японским искусством фехтования на бамбуковых мечах, и часто использовала подобные движения в качестве разминки. Меч лежал в руке идеально. Всё-таки читерский предмет — это вам не шутки. Вот только...

Франц с отцом, округлив от удивления глаза, наблюдали за тем, как я ловко орудую Шуэтом одной рукой.

«Вот чёрт. В этой-то жизни я держу меч впервые», — пронеслось у меня в голове.

— Когда ты успела освоить фехтование? Знай я, давно разрешил бы тебе пользоваться мечом.

Увидев реакцию отца, я вернула Шуэт на место и протерла горло:

— Сегодня первый раз, когда я взяла его в руки. Похоже, у меня талант.

В прошлой жизни я очень серьёзно занималась кендо. Однажды в средней школе мне даже удалось выйти на окружные соревнования и одержать там победу, но объяснить это сейчас родителям не имело смысла. Мой мир был им совершенно не знаком.

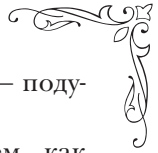
— Так, теперь Франц! — Я постаралась разрядить обстановку, затаскивая брата в центр круга.

Первым делом надо передать брату Шицуру, а уже потом разбираться с моим будущим.

«Тебе следовало забрать Шицуру, а не Шуэт. Никто не разглядел твой талант, а ведь ты мог достичь уровня мастера», — таковы были слова Астера в оригинальной истории. В его проницательности я не сомневалась: если у Франца будет Шицуру, он обязательно станет мастером.

Непробиваемый щит Шицуру заметно отличался от Шуэта, хотя под покровительством Короля духов находились оба предмета. Шуэт способен разрубить что угодно, однако атаковать им Короля невозможно. Если же по воле случая вы всё-таки вступите с ним в бой, меч окажется совершенно бесполезным. Шицуру, напротив, представлял из себя непробиваемый барьер, способный остановить даже своего создателя, Короля духов. Поэтому, если Франц полностью реализует свой потенциал и станет мастером Шицуру, ранить его не сможет никто.

Брат снова вытянул перед собой левую руку. Рана на запястье, оставшаяся после извлечения Шуэта, ещё не затянулась и продолжала кровоточить.

«Так мы существенно отклонимся от сюжета», — подумала я.

Стоило мне увидеть Шицуру рядом с Францем, как сердце заколотилось ещё быстрее. Отец сжал запястье сына и окропил щит выступившей на руке кровью. В ту же секунду от Шицуру начало исходить голубое свечение, точь-в-точь как ранее от Шуэта, а затем щит повис в воздухе. Франц повторил всё то же, что и я: опустил на колени и прочёл текст клятвы.

После обряда насущные вопросы благополучно разрешились: Франц бросил академию, а меня зачислили туда вместо него. По поводу самовольной отлучки брата в Кратье никто ничего не сказал, поскольку, согласно легенде, Франц оставил учёбу по причине болезни, отдав своё место старшей сестре. Из академии нам прислали письмо с пожеланием Францу скорейшего выздоровления и поздравлениями в связи с моим зачислением.

— Франц, ты прямо похорошел, — обратилась я к брату, размышляя, не сыграло ли свою роль отчисление.

— Хе-хе, думаю, всё благодаря хорошему сну, — расплылся он в улыбке, показывая ямочки на пухлых мальчишеских щеках.

Как только стало известно, что посещать занятия больше не нужно, от лежавшей на его лице тени не осталось и следа. Не знаю, вернулся ли к Францу аппетит, но он даже начал понемногу набирать вес, несмотря на врождённую худобу.

— Даже поправился.

— П-правда? А ведь, если так подумать, мне и штаны пришлось перешивать, старые стали маловаты. Сестра, а ты похудела, да? Щёки впалые, под глазами круги появились, да и в целом выглядишь как-то не очень...

— А ну цыц!